

Д. РАБИНОВИЧ, С. ШЛИФШТЕЙН

Седьмая симфония

Седьмая симфония — естественное продолжение того, что было сказано композитором в его лучших прежних сочинениях. Грандиозные масштабы замысла, благородство и чистота чувств, необыкновенная «физическая» красота музыки, совершенство формы — они покорила нас в пятой и шестой симфониях, в квинтете; они привлекают и в новом его создании.

И вместе с тем, в седьмой симфонии проявились черты совершенно новые. Война наложила отпечаток на каждого из нас. Пережитое — героизм и страдания советских людей — нашло отклик в сердце композитора.

Пятнадцать лет назад, в период создания первой симфонии, всем сразу стало ясно, что в музыку пришел не просто большой мастер, но хозяин, которому подвластны все тайны искусства, для которого процесс воплощения — то, что составляет для художника самую сложную задачу, — является лишь подчиненным.

И все же, как долго Шостакович оставался юношей. Он искал. Это свойственно не только одной лишь молодости. Искал и Тициан, когда в 99 лет написал лучшее свое творение — «Святой Себастьян». Искал Верди, глубоким старцем перешедший к новой стране своего творчества — к «Отелло» и «Фальстафу». Но юность ищет идеала, зрелость находит пути их осуществления. После пятой симфонии с ее трагедией становления личности явилась седьмая, в которой эта личность уже всесторонне себя раскрывает. Человек стал гражданином.

Мы ощущали мужественность и в драматизме первой части пятой симфонии и в торжестве ее финала, и в волевой теме вступления к шестой симфонии, и в кристаллически прозрачных, классически строгих очертаниях квинтета. Но в седьмой симфонии она предстала перед нами совершенно иной — свободной от резиньяции, не отягощенной противоречивостью чувств, ясной, потребовавшей бетховенской сконцентрированности выражения.

«Биография» симфонии разъясняет очень многое в ней. Замысел произведения возник в один из самых напряженных периодов войны, когда враг подошел к воротам Ленинграда. Три части симфонии рождались в обстановке осажденной крепости. Композитор жил в ней одной мыслью и волей, одной жизнью с теми, кто сражался у Пулковских высот, кто строил баррикады у Нарвской заставы, кто под артиллерийским обстрелом ковал оружие для защитников города Ленина. От них почерпнул Шостакович нравственную силу, которая помогла ему создавать искусство, покоряющее своей красотой и человечностью.

Седьмая симфония — первое программное произведение Шостаковича. Она рассказывает о чувствах наших дней. Рассказывает со страстностью патристического притява, с гневной обличительностью антифашистского документа.

Два мира противопоставлены друг другу в седьмой симфонии. Один — исполненный мысли и чувства, великих порывов и благородных устремлений. Он предстает перед нами в первой же теме, открытой и мужественной, как лица миллионов советских людей, встречающих воскресный день 22 июня среди радостей мирной жизни; он — в конце экспозиции, в мелодии, безмятежно счастливой и лучезарной, как бескрайнее июньское небо. И он — в репризе первой части, где та же музыка превращается в скорбный и величавый рекем: народ оплакивает тех, кто пал за свободу родной земли.

И второй мир — звериный, бессмысленный и немолчаливый. На фоне непрерывной барабанной дроби звучит маршеобразная тема, алая и квадратная. Она повторяется двенадцать раз, не развиваясь, но лишь усиливаясь в звучности. Сначала ее исполняет пиццикато струнных, затем она переходит к флейтам, фаготам, трубам. Она неистово прорывается сквозь рев и завывание меди, она надвигается, наступает... И вместе с тем, в ней есть какая-то статичность. Музыка, жестокая, как сила механизма, будит чувство ненависти, она взывает к мести. В ней нет ничего от натуралистического подражания «звукам войны». Это психологический портрет врага — беспощадный и обличающий.

Композитор использует в первой части симфонии простейший прием драматургического контраста. Но он придает ему силу огромного социального обобщения. Маршеобразный эпизод занимает в пер-

вой части место обычной разработкой сонатного аллегро. Как зловеще звучит он после картин счастливой мирной жизни, нарисованных композитором в экспозиции! Какую силу трагической выразительности обретает следующая за ним рекем-реприза! Скорбь, великая всенародная скорбь звучит в музыке. И в этой скорби — мужество и сила духа, сломить которые не могут никакие испытания, как бы тяжелы они ни были.

В конце первой части вновь появляется озаренная солнцем первая тема. Но как изменилась она!.. В ней появилась медлительная сосредоточенность, особая значительность чувства. Люди стали взрослее, строже, выскательнее к себе.

Вторая часть — скерцо — самим композитором названа «Воспоминание». Мысль художника возвращается к счастью недавних дней. Шостакович отходит от обычной трактовки скерцо. Напрасно было бы искать здесь остролюбия, комедийности, тем более сарказма или гротеска. От скерцо во второй части симфонии — лишь естественная живость, но живость лирического чувства, а не игра скептического ума. Музыка скерцо поражает ласковостью, какой-то необыкновенной теплотой звучания. Если нужно было бы попытаться дать наиболее сжатое определение чувств, наполняющих эту замечательную музыку, такой формулой явилась бы «радость жизни».

Третья часть — дарго; огромное по масштабам, потрясающее глубиной и силой выражения, невольное рождающее в сознании слушателя аналогии с гениальным бетховенским дарго из его сонаты ор. 106. Не углубление в себя, как в медленной части пятой симфонии, и не растворение себя в космосе, как в разработке дарго шестой, — музыка третьей части седьмой симфонии несет в себе высокий пафос размышления. Это думы нашего современника, большого художника, вобравшего в себя сегодняшние мысли и чувства многих. Вместе с нами размышляет композитор о «роковых минутах сего мира», он смотрит на жизнь теми же глазами, что и мы, он прислушивается к миру тем же сердцем, что и наше, но ощущает все глубже и сильнее. Размышляя, он обращается к нам. Отсюда ораторская приподнятость музыки, отсюда — активность, действительность, мужественность этого философски углубленного, лирически проникновенного дарго.

И в нем же — необычайное упоение жизнью. Оно не случайно пришло в симфонию Шостаковича, созданную в дни войны. Ведь именно война заставила людей особенно остро ощутить жизнь, ее радость, поэзию и красоту — все то, над чем фашизм занес свой окровавленный меч. И художник передал красоту, радость и поэзию жизни совершенной по красоте музыкой, музыкой, которая возвышает ум и облагораживает чувство, которая еще раз заставляет вспомнить, во имя чего мы боремся.

Да, красота вышла сегодня из узкого круга лирических чувств человека. Она стала оружием, ибо обличает чудовищное уродство фашизма. И не удивительно, что они — вандалы и гуны, разрушившие Ясную Поляну, осквернившие домик Чайковского в Клину, — боялись красоты. Они видят в ней своего смертельного врага.

Идею финала симфонии, написанного в последние дни в Куйбышеве, сам композитор определяет одним словом — «победа». Так и должно быть. Этого требует напоенный скорбью рекем первой части, этого требует замысел всей симфонии, этого требует правда жизни, во имя которой создавалось произведение.

Музыка победы — она рождается не сразу, еще нужно пройти путь, на котором есть и размышление, и страдание, и борьба. Но когда в самом конце финала, на фоне мощного, торжественного звучания всего оркестра, вновь появляется, гордая в своей красоте, мужественная начальная тема симфонии, образ победы предстает перед нами. Вот она — желанная, достигнутая, завоеванная! Вот оно, завоеванное счастье простых советских людей.

Седьмая симфония Шостаковича — крупнейшее художественное явление наших дней. Самый факт ее создания вызывает чувство гордости, ибо страна, художник которой способен в суровое время войны создать произведение такой красоты и величия духа, такая страна непобедима!